

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X22

John Hart
THE LAST CHILD

Text Copyright © 2018 by John Hart
Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
OlScher, icemanphotos / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Харт, Джон.

X22 Последний ребенок / Джон Харт ; [пер. с англ.
С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-100609-9

«Абсолютно обязательное чтение для поклонников любого жанра».

Booklist

«Вы прочувствуете эту историю всем своим сердцем — так же сильно,
как и своим нутром».

Джеффри Дивер

«У романов Джона Харта сумасшедшая динамика».

Дэвид Болдаччи

«Этот роман окончательно утвердил место Харта в созвездии лучших».

Library Journal

Джон Харт — единственный писатель в истории, дважды подряд получивший одну из главных остросюжетных литературных наград — премию Эдгара Аллана По. Его произведения переведены на 30 языков и продаются в 17 странах мира.

Перед вами — история, достойная пера Стивена Kinga. Феноменальная история потери и надежды, обретения себя, стойкости перед лицом зла.

Детство Джонни закончилось в одночасье — когда год назад пропала его сестра-близнец Алисса. Отец, не выдержав бремени вины, ушел из семьи. Мать нашла забвение в алкоголе и таблетках. А сам Джонни перестал быть обычным мальчишкой и превратился в одержимого. Каждый день он творит странные ритуалы и посвящает все свое время поискам сестры. Все окрестности и подозрительные соседи изучены вдоль и поперек. Но надежда разгорается с новой силой, когда Джонни внезапно становится свидетелем жуткой погони со смертельным исходом. Последние слова битого мотоциклиста дают ему новую зацепку...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык, Самуйлов С.Н., 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100609-9

*Посвящаю эту книгу Нэнси и Биллу Стэнбек,
Энни и Джону Харт, Кей и Норду Уилсон.
Родителям, друзьям, верным советчикам*

Благодарности

Множество людей способствовали тому, чтобы эта книга удалась. За все, что они сделали — задали тон, управляли ресурсами, создали такую сильную команду, — я хотел бы поблагодарить Сэлли Ричардсон, Мэтью Шира, Эндрю Мартина и Томаса Данна. За гениальную работу по продвижению книги спасибо Мэггу Болдаччи и прекрасным людям, которые работают с ним: Таре Чибелли, Ким Ладлэм и Нэнси Трайпак. Обложка восхитительна и в полной мере передает дух книги, и за это я благодарю Дэвида Ротштейна и Эрвина Серонну. За производство — мои благодарности Кеннету Дж. Сильверу, Кэти Туриано и Нине Фриман, за дизайн — Джонатану Беннету. Как всегда, особая благодарность трудолюбивым сотрудникам отдела продаж — вы лучшие. Не многие книги имели бы успех без мощной рекламы, поэтому моя признательность — работникам рекламного отдела: Гектору Дежану и Тэмми Ричардсу. Я счастлив, что у меня лучшие редакторы в этом бизнесе — Пит Вулвертон и Кэти Джиллиган. Они знают, сколь сильно я ценю их труд. И тем не менее я скажу это здесь: спасибо вам двоим, вы великолепны. Спасибо, как всегда, моему агенту Мики Чоэту. И читателям первых версий, Клинту Робинсу, Марку Уитту, Джеймсу Рэндольфу и Дебби Бернхардт — вы, ребята, продолжаете играть жиз-

ненно важную роль в процессе, так что спасибо за это. Особая благодарность — Клайду Ханту и Джону Йокаму, которые дали свои имена, прекрасно зная, что я могу злоупотребить ими. Спасибо Марку Стэнбеку и Биллу Стэнбеку, рассказавшим мне об орлах. И, наконец, самое важное: спасибо моей жене Кэти, которая остается лучшим другом и любовью всей жизни, а также моим дочерям, Сэйлор и Софи, большеглазым мастерицам круглосуточного веселья и невинной восторженности.

Пролог

Асфальт словно рассек землю шрамом, жарким, плавящимся следом черного лезвия. Воздух еще не колыхался от зноя, но водитель знал, что оно приближается, это обжигающее сияние, это приглушенное мерцание вдали, там, где куется раскаленная голубизна. Он поправил солнцезащитные очки и бросил взгляд в большое зеркало над ветровым стеклом. Зеркало показывало и салон автобуса во всю длину, и пассажиров: симпатичных девушек, поломанных жизнью мужчин, пьянчуг, чокнутых, грудастых женщин с краснолицыми сморщенными детишками. Неприятность водитель чувал за милю и мог определить, кто в порядке, а кто в бегах.

Он посмотрел на паренька.

Мальчишка смахивал на беглеца.

Нос у него шелушился, но под загаром проступала болезненная бледность, возникающая обычно от недосыпа, или недоедания, или от того и другого вместе. Острые тонкие скулы туго натягивали кожу. Маленький, лет десяти, с растрепанными, торчащими во все стороны черными волосами. Волосы подрезаны неровно, ступеньками, как будто мальчишка стриг себя сам. Истрепанный воротник рубашки, протершиеся на коленях джинсы. Изношенная едва ли не до дыр обувь. На коленях синий рюкзак, если и не пустой, то уж точно не набитый.

Мальчишка был симпатичный, но больше всего водителя поразили его глаза. Большие и темные, они постоянно двигались, как будто реагируя на присутствие других пассажиров, жаркий людской пресс, типичный для разбитого автобуса в прокаленное солнцем утро посреди песчаных холмов Северной Каролины: полдюжины рабочих-мигрантов, кучка шумных типов, с виду бывших военных, пара семей, несколько старичков и двое удивившихся сзади панков, покрытых татуировками.

Чаще всего взгляд мальчика находил сидящего по другую сторону прохода мужчину с прилизанными волосами, похожего на торговца, в мятом костюме и лоферах с резиновой вставкой. Был и еще один пассажир, ловивший взгляд ребенка, — чернокожий, с помятой Библией и зажатой между коленями бутылкой газировки. Позади мальчика сидела пожилая леди в бумазейном платье. В какой-то момент она наклонилась вперед и о чем-то спросила; тогда он качнул головой и осторожно ответил.

«Нет, мэм».

Его слова потянулись вверх, словно дым, и женщина откинулась на спинку сиденья, сжав пальцами, прошитыми синими жилками вен, цепочку очков.

Она посмотрела в окно, стекла вспыхнули и тут же потемнели — дорога мягко врѣзалась в сосновую рощу, где под кронами собирались зелеными лужами тени. Потом свет снова заполнил салон, и водитель внимательнее присмотрелся к мужчине в мятом костюме. Бледная кожа, нездоровый, будто с похмелья, пот, непривычно маленькие глаза и беспокойность, дергавшая водителя за нервы. Он то ерзал, то клал ногу на ногу, то подавался вперед, то отклонялся назад. Пальцы барабанили по колену; мужчина то и дело сглатывал, поглядывая на мальчишку и тут же отводя глаза, и снова косился.

Водитель разуверился в жизни и ничего хорошего от нее не ждал, но в своем автобусе поддерживал порядок и не терпел пьянства, распутства и громких криков. Таким пятьдесят лет назад воспитала его мать, и причин мяться он не видел. А потому, посматривая за мужчиной в мятом костюме, заметил, как тот сдвинулся подальше на засаленном сиденье, когда появился нож.

Паренек небрежно достал его из кармана и, зацепив ногтем большого пальца, открыл лезвие. Подержал секунду на виду, потом вытащил из рюкзака яблоко и разрезал его резким, точным движением. Запах тут же растекся над испачканными сиденьями и заляпанным полом. Острый сладкий аромат перебил даже неистребимую вонь дизеля, так что и водитель уловил его. Мальчишка посмотрел в широко расставленные глаза на сглаженном, размытом лице мужчины в мятом костюме, закрыл нож и убрал в карман.

Водитель расслабился и на несколько долгих минут сосредоточился на дороге. Мальчишка показался ему знакомым, но это ощущение прошло. Тридцать лет... Он подвинулся, поворочался, устраиваясь поудобнее в кресле.

Сколько он видел их, мальчишек...

Сколько их было, беглецов...

* * *

Каждый раз, когда водитель смотрел на него, мальчишка чувствовал этот взгляд. Такой у него был дар. Или способность. Он чувствовал взгляд, несмотря на темные очки шофера и кривизну зеркала, искажавшего его лицо. За три последних недели эта поездка в автобусе была у него третьей. Каждый раз он сидел на другом месте и в другой одежде, но понимал, что рано или позд-

но кто-нибудь спросит, что он делает в автобусе дальнего следования в семь часов обычного, школьного дня.

Но пока этого не случилось.

Мальчишка повернулся к окну и поднял плечи, чтобы ни у кого не возникло желания заговорить с ним. В стекле мелькали отражения, движения и лица. Он думал о высоченных деревьях и тронутых снегом коричневых перьях.

Нож тяжело оттягивал карман.

* * *

Через сорок минут автобус, качнувшись, остановился у заправочной станции, затерянной на широкой полосе сосновых рощ, жестких, колючих кустарников и прокаленных песков. Мальчишка прошел по узкому проходу и соскочил с нижней ступеньки, прежде чем водитель успел сказать, что на стоянке нет ничего, кроме тягача, и что поблизости не видать ни единого взрослого, который забрал бы его, тринадцатилетнего парнишку, которому никто не дал бы больше десяти. Он повернул голову так, чтобы солнце припекало шею, и забросил на спину рюкзак. Дизель выбросил облачко дыма, автобус дернулся и покатился на юг.

Две бензоколонки, длинная скамейка да тощий старик в синей, запачканной смазкой одежде — вот и вся заправочная станция. Он кивнул из-за грязного стекла, но не вышел в зной. Стоящий в тени здания автомат с газировкой был такой древний, что попросил всего лишь пятьдесят центов. Мальчишка порылся в кармане, выудил пять тоненьких даймов и купил виноградную содовую, которая выкатилась холодной стеклянной бутылкой. Сковырнул крышку, повернулся в направлении,

противоположном тому, в котором следовал автобус, и зашагал по черной пыльной дороге.

За спиной остались три мили и два поворота, когда дорога сузилась, асфальт сменился гравием, а гравий истончился. Дорожный знак не изменился и выглядел так же, как и в последний раз: старый и поцарапанный, с шелушащейся краской, под которой проступало дерево и надпись. «АЛЛИГАТОР-РИВЕР. ЗАПОВЕДНИК ХИЩНЫХ ЖИВОТНЫХ». Над буквами парил стилизованный орел, и на его крыльях шевелились перья краски.

Паренек выплюнул на ладонь комочек жвачки и, проходя мимо, приклепнул к доске.

* * *

Чтобы найти гнездо, понадобилось два часа, наполненных потом, колючими кустами и москитами, из-за которых кожа покрылась ярко-красными пятнами. Некий массивный клубок обнаружился на верхних ветвях боковой сосны, уходящей напрямик в небо на влажном берегу реки. Мальчишка дважды обошел дерево, но ни одного пера на земле не нашел. Солнечный свет пронзал лесную крону, и небо было таким ярким и голубым, что резало глаза. Снизу гнездо казалось пятнышком.

Мальчишка сбросил рюкзак и ухватился за нижнюю ветку. Жесткая грубая кора царапнула обожженную солнцем кожу. Карабкаясь вверх, он то и дело поглядывал по сторонам, настороженно и боязливо. Чучело орла занимало почетное место на пьедестале в музее Роли¹, и в памяти сохранился свирепый облик могучей птицы. Глаза были стеклянные, но размах крыльев составлял

¹Роли — столица шт. Северная Каролина.

пять футов¹, а когти не уступали в длину пальцам на его руке. Одним ударом клюва орел мог оторвать ухо у взрослого мужчины.

Ему было нужно только перо. Чистое белое из хвоста или огромное коричневое — из крыла. В конце концов, сошло бы даже мягкое и маленькое, размером с булавку, из-под плеча птицы.

Это не имело ровным счетом никакого значения.

Магия есть магия.

Чем выше он поднимался, тем сильнее гнулись ветви. Ветер качал дерево и мальчишку вместе с ним. При каждом порыве он прижимался лицом к коре, и сердце глухо колотилось в груди, а пальцы до побеления сжимали ствол. Сосна была настоящей королевой деревьев, такой высокой, что даже река как будто съеживалась под ней.

Он подобрался к верхушке. Вблизи гнездо выглядело широким, как обеденный стол, и весило, наверное, фунтов двести². Старое, повисевшее здесь несколько десятилетий, оно воняло гнилью, дерьмом и кроличьиими останками. Мальчишка не отвернулся, а, наоборот, открылся этому запаху, принял его силу. Сдвинул руку, поставил ногу на серый, голый высушенный сук. Внизу уходил к далеким холмам сосновый лес. Черной, сверкающей как уголь лентой вилась река. Мальчишка поднялся над гнездом и увидел в чаше двух птенцов, бледных и пестрых. Раскрыв тонкие и хрупкие, как щепки, клювы, птахи требовали еды. Налетевший ветер принес звуки, похожие на хлопки развешанного на веревке белья. Собравшись с духом, мальчишка бросил взгляд через плечо, и в тот же миг с безоблачного неба упал орел. В пер-

¹ Фу т — ок. 30,5 см.

² Фу н т — ок. 450 г.

вую секунду были видны лишь перья, потом — бьющие воздух крылья и выпущенные когти.

Орел пронзительно крикнул.

Когти впились в тело, и мальчик вскинул руки. В следующее мгновение он уже падал, и птица — ярко-желтые глаза и вцепившиеся в рубашку и кожу когти — падала вместе с ним.

* * *

В три сорок семь автобус вкатился на парковочную площадку той самой заправочной станции. На этот раз маршрут вел на север, и автобус был другой. И водитель был другой. Дверь, звякнув, открылась, и из салона высыпалась горстка ревматиков. Шофер, усталого вида сухопарый двадцатипятилетний латиноамериканец, едва взглянул на чахлого мальчонку, который, поднявшись со скамейки, проковылял к двери автобуса. Ни рваной одежды, ни близкого к отчаянию выражения на лице паренька водитель не заметил. Если на протянувшей билет руке и запеклась кровь, его это не касалось, и отпускать на этот счет какие-то комментарии в его обязанности не входило.

Мальчишка отдал билет, втащился по ступенькам в салон и попытался собрать расползающиеся обрывки рубашки. При себе у него был тяжелый на вид, набитый под завязку рюкзак с чем-то красным, просочившимся изнутри и запачкавшим швы внизу. Новый пассажир принес с собой запах глины, реки и чего-то сырого, но опять-таки шофер посчитал, что это не его ума дело. Мальчишка протолкался глубже в полумрак салона, завалился на спинку кресла, добрался до задних мест и сел, забившись в угол. На коже у него темнели раны, на шее зиял глубокий порез, но никто не обращал на него